

ББК 83.3(4Фра)5-117

А. Н. Таганов

**РЕАЛЬНОЕ И МИСТИЧЕСКОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СЛОВЕ
ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА: «ПРОЩЕННЫЙ МЕЛЬМОТ»**

В статье на примере новеллы «Прощенный Мельмот», входящей в «Философские этюды» «Человеческой комедии» Бальзака, рассматриваются особенности художественной системы французского писателя, соединяющей в себе реалистически воспроизведенную и исторически обусловленную действительность и ее мистическое осмысление.

Ключевые слова: реализм, мистика, Слово-логос, мистическое Слово, трансгрессивный образ, универсальный хронотоп.

The article on the example of the novel “Forgiven Melmot”, which is a part of the philosophical etudes of Balzac's “Human Comedy”, examines the features of the French writer’s artistic system, which combines a realistically reproduced historically conditioned reality and its mystical interpretation.

Key words: realism, mysticism, the Word-logos, the mystical Word, transgressive image, the universal chronotope.

Обращаясь к изучению творчества Бальзака, нетрудно заметить, что оно воспринималось неоднозначно в разное время. Уже в XIX веке существовали полярные точки зрения по поводу бальзаковских творений. Так, Сент—Бёв в 1840 году в статье «Спустя десять лет в литературе» констатировал, что Бальзак, несмотря на успех его прежних романов и обещание написать еще 50 других, «скончался» как писатель¹. С другой стороны, Ф. М. Достоевский в 1838 году в одном из писем брату Михаилу замечает: «Бальзак велик! Его характеры — произведения ума вселенной!»².

В XX веке в литературоведении, особенно в отечественном, происходит своего рода канонизация Бальзака в качестве классика реалистического метода. На протяжении многих лет творчество Бальзака очень часто пытались уложить в однолинейные аксиологические схемы, отсекая одно, абсолютизируя другое. Вместе с тем, думается, что подобный подход, не исчерпывает всей сложности и многообразия проблемы.

Бальзаковское творчество построено по принципам, предполагающим существование наряду с объективной действительностью нетрадиционно понимаемого жизненного пространства, связанного с инопространством и потому нуждающегося как в Слове-понятийном, Слове-Логосе, так и в Слове мистическом, предполагающем таинственную универсальную первооснову.

Начиная, как правило, с максимально достоверного, насыщенного фактическим материалом, отображения социально-исторической данности, Бальзак в определенный момент подвергает его переосмыслению с позиций, сформированных сложными, по сути, мифотворческими представлениями писателя о жизни, которые заданы различными мистическими учениями,

© Таганов А. Н., 2019

¹ Сент-Бёв Ш. Спустя десять лет в литературе // Литературные портреты, критические очерки. М., 1970. С. 242.

² Бальзак в русской литературе. М., 1999. С. 57.

прежде всего — теориями Сведенборга. Этот переход происходит обычно через трансгрессивный образ, таящий в себе таинственное мистическое начало: волшебная кожа, деньги, золото и т. д. В их роли могут выступать также и образы, создающие интертекстуальный план: Иисус, Дон Жуан, Мельмот.

В качестве одного из примеров того, как исторически обусловленное время и пространство в произведениях Бальзака через действие трансгрессивных образов преобразуется в универсальное вневременное пространство, может служить новелла «Прощенный Мельмот» (1835) из «Философских этюдов», составляющих одну из частей «Человеческой комедии». Повествование совершает здесь своеобразные кульбиты, то обращаясь к реальностям исторической действительности, то уходя причудливым вывертом в сферу самой смелой фантазии.

В новелле возникает особый тип человека, теснейшим образом связанный с миром материальным, но при этом таящий в себе потенциальные возможности проявления физиологической природы, связанной с миром страстей. Главный герой — Кастанье, кассир банковской конторы «Нусинген и К^о». Автор предельно достоверно и детально воспроизводит мир реальный, создавая иллюзию его эмпирической данности, в том числе — через точную топографию: банковская контора находится на улице Сен-Лазар. Кроме того — через хронологическую и историческую обозначенность, чему способствует биографический обзор прошлой жизни героя: он командир драгунского эскадрона, раненный во время сражения при Студзянке во время отступления наполеоновских войск из Москвы, о чем напоминает ленточка Почетного легиона в его петлице. Бальзак точно обозначает дату вступления кассира в должность — 1813 год.

Автор новеллы создает эмпирическую достоверность и через подключение к описанию реалий внешнего пространства различных чувственных восприятий. Эмпиризм достигает здесь максимального значения за счет того, что читатель получает информацию разными способами, посредством зрения и тактильную данность: «через решетку конторки можно было видеть шкаф из кованого железа, который благодаря изобретениям современного слесарного дела был так тяжел, что воры не могли его утащить»; через слух: «следуя инструкции, швейцар уже с четырех часов флегматически произносил: «Касса закрыта»; и посредством обоняния: «зловонная теплота, испускаемая собравшимися вместе людьми, занимает немалое место среди причин прогрессирующего вырождения умов: мозг, выделяя особенно много азота, в конце концов, отравляет другие мозги»³.

При этом Бальзак не только создает предельно убедительную картину действительности, но и комментирует ее, прибегая кразличного рода фактам, доказательствам, выстраивая повествовательную линию по законам логики, привлекая при этом стиль научного дискурса: «Есть такая порода людей, которую в мире общественном выращивает цивилизация, подобно тому, как в мире растительном цветоводы тепличным способом создают гибридную породу, не поддающуюся размножению ни путем посева, ни отводками. Мы имеем в виду кассира — некое человекообразное растение, которое поливают религиозными идеями, подпирают гильотиной, обстригают пороком, —

³ Бальзак О. де. Прощенный Мельмот // INFERNALIANA, Французская готическая проза XVIII—XIX веков. М., 1999. С. 261.

и растет себе оно на четвертом этаже вместе с почтенной супругой и надоедливými детьми»⁴.

Но в определенный момент повествование, представляющее объективную реальность, через появление трансгрессивного образа — метьюриновского Мельмота — переводится в иное измерение: от Слова-логоса — к Слову мистическому.

Собственно, эта трансформация уже изначально заложена в конструкции художественной системы «Прощенного Мельмота». Образ кассира, его предельно обыденная должность, изначально возводится Бальзаком в разряд исключительных: «Многочисленные парижские кассиры всегда останутся загадкой для физиолога. Понял ли кто-нибудь задачу, где иксом является кассир? Как отыскать человека, который спокойно созерцал бы чужое богатство, отданное ему в руки, — ведь это все равно, что кошку посадить в одну клетку с мышью!». Идеальной средой обитания для кассира, по мысли автора, является Париж — «город-искуситель», «филиал ада»⁵.

Фантастическое здесь вырастает из обыденного. Париж становится дьявольской обителью греха и соблазна, а его сердцем — всемогущая биржа: «Есть такое место, где котируется королевская власть, где прикидывают на весах целые нации, где выносятся приговор политическим системам, где правительства расцениваются на пятифранковые монеты, где идеи и верования переведены на цифры, где все дисконтируется, где сам Бог берет займы и в качестве гарантии оставляет свои прибыли от душ человеческих, ибо у Папы Римского имеется там текущий счет. Если где покупать душу, то, конечно, там»⁶.

Появление по сути фантастического момента в эмпирическом мире для художественной системы Бальзака не оказывается необычным, чужеродным. По его убеждению, точно также они сосуществуют в объективной действительности. Ад и рай оказываются атрибутами и земного пространства. В связи с этим в новелле появляются и различного рода хронотопы: хронотоп реальной жизни переходит в универсальный хронотоп Слова мистического: «Праздничным чертогом была как бы вся земля, уже сотрясавшаяся у него под ногами» <...> Подобно Мельмоту, Кастанье мог в несколько мгновений очутиться в цветущих долинах Индостана, мог пронестись, как крылатый демон, над пустынями Африки и скользить по морям». Кастанье больше не принадлежит к виду людей, «скованных законами времени, места и расстояний». Новые его способности «изменили прежний характер связей между миром и им самим»⁷.

Такая особенность бальзаковского творчества позволяет писателю реализовать его воззрения на человеческую природу, в которой соединяются ангельское и демоническое начала, восходящие к инобытийному пространству: Кастанье обретает демонический дар ясновидения, что «позволяло ему постигать любой материальный предмет и самые сокровенные мысли любого человека, лишь только Кастанье устремлял на него свой взор <...>»⁸.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 286.

⁷ Там же. С. 280.

⁸ Там же. С. 280—281.

Это демоническое всезнание рождает осознание причастности к таинственному основанию жизни: «Его губы, как у Мельмота, пламенели от желаний, он задыхался от тоски по *неведомому*, ибо знал все»⁹.

Поскольку, как было отмечено, ад и рай, по мнению Бальзака, — атрибуты не только инобытия, но и земной жизни, а ангельское и демоническое заложено в самой природе человека, это переводит проблему нравственности в область универсальную, вечную. Перед Кастанье, как и перед любым человеком, возникает непреложный выбор между божественным и земным, между демоническим и ангельским, между добром и злом. Мистическое в рассказе о рядовом кассире переводит повествование в план нравственно-философский: «Ему тесно сделалось на земле, ибо адское могущество позволяло ему присутствовать при зрелище творения, сущность и цель которого он уже прозревал.<...> Он еще мог быть ангелом — и обретал в себе демона»¹⁰.

Экзистенциальные взгляды Бальзака, проявляющиеся в новелле «Прощенный Мельмот», в той или иной степени характерны для всех «Философских этюдов». Более того, нельзя не заметить, что и в текстах, не входящих в этот раздел «Человеческой комедии», мы зачастую наблюдаем то же. Золото, как трансгрессивный образ, ставит человека перед выбором ангельского или демонического начала, присутствующего в человеческой натуре. Так, например, происходит в «Евгении Гранде», в «Гобсеке» и других произведениях. Реальный человек у Бальзака оказывается вписанным в единую структуру Божественного. Соответственно, в художественном мире его «Человеческой комедии» план реального, хронологического, исторического сменяется планом мистических фантазий. Эта общая для всей конструкции бальзаковского произведения архитектура реализуется и в отдельных ее элементах. Различные персонажи создают общую структуру независимо от границ разных текстов, которые, в свою очередь, образуют единое целое, сформированное бальзаковским мироощущением, стремящимся соединить материальное и духовное, социально-историческое и вечно земное и небесное, демоническое и ангельское, Слово-логос и Слово мистическое.

Библиографический список

1. Бальзак в русской литературе. М. : Рудомино, 1999. 223 с.
2. Бальзак О. де. Прощенный Мельмот // INFERNALIANA, Французская готическая проза XVIII—XIX веков. М. : Ладомир, 1999. С. 259—290.
3. Сент-Бёв Ш. Спустя десять лет в литературе // Литературные портреты, критические очерки. М. : Художественная литература, 1970. С. 234—251.

⁹ Там же. С. 281.

¹⁰ Там же. С. 282.